

Г. Э. Галанова

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИТУАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА: ВОЗМОЖНА ЛИ СЕГОДНЯ «МУЗЕЙНАЯ» КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ?

Отечественная дисциплина о культуре сложилась в 70-е годы XX в. В западной традиции этот период также ознаменован поворотом к исследованию культуры, возникают и развиваются такие отрасли, как культурные исследования (cultural studies), обретает новый статус социология культуры¹. В СССР появление культурологии было связано с кризисом «научного коммунизма». Сегодня интерес к культуре вызван также социальной реальностью постмодерного общества. Новые принципы социальной стратификации стали предполагать понятие «стиль жизни» и изучение в этой связи эстетических компонентов повседневности. До этого эстетическое в целом было предметом узкоспециализированных дисциплин: искусствознания и музейного дела.

Высокий уровень жизни, высокий уровень доходов – это главная характеристика постмодерных обществ. Недаром считалось, что существование постмодерна в России пока спорно. При высоком уровне на смену деления людей на классы по имущественному признаку приходит другой принцип социальной дифференциации и стратификации: по стилю жизни, по культурным и даже эстетическим критериям. Люди при равном достатке отличаются по своим убеждениям и ценностям настолько, что их нельзя объединить в один класс, и мы говорим о том, что это «разные субкультуры». Этот культурный плюрализм, ситуация мультикультурализма и повлияли на методологический плюрализм культурологии. Междисциплинарный статус культурологии роднит ее с западной традицией изучения культуры, с cultural studies и заключается в плюрализме подходов, теорий и концепций культуры.

Отечественная культурология всегда демонстрировала преемственность немецкой классической философии и классической концепции культуры. Сегодня мы наблюдаем отход от классических позиций в сторону семиоти-

¹ См.: *Крейн Д.* Социология культуры: вызов социологии как дисциплине // Контексты современности – I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Казань, 2000. С. 96-100.

ки, культурной/социальной антропологии и даже «экологии культуры». В этой связи интересна судьба традиционного подхода, в рабочем порядке названного «музейным».

В классической концепции под «культурой» понималась и понимается вся совокупность высших достижений человечества в области науки, образования и искусства². «Культура» с точки зрения классической концепции – это шедевры искусства и достижения философов «первого ряда», «памятники культуры», некий заповедник высших ценностей. «Быть культурным» означает разбираться в искусстве, быть образованным и воспитанным. Напротив, «некультурный человек» понятия не имеет о том, сколько симфоний у Бетховена и, как правило, путает Леонардо да Винчи с Леонардо Ди Каприо. Именно такое определение культуры мы и называем «музейным»: культура это хранилище всего самого ценного, наилучшего.

В рамках антропологии в конце XIX в. произошла существенная корректировка классических представлений о культуре. Как пишет антрополог Клайд Клакхон, «в обиходном языке «культурный человек» – это тот, кто знает иностранные языки, знаком с историей, литературой, философией, искусством. Для некоторых групп это понятие еще уже: культурный человек должен уметь поговорить о Джойсе, Скарлатти, Пикассо. Однако для антрополога быть человеком и значит быть культурным»³. Именно социальная и культурная антропология как науки о разных типах человека и обществах, отличных от европейского, внесли вклад в понимание сущности культуры как того, что отличает человека от представителей животного мира. Поэтому в дескриптивной концепции культуры, которая сложилась в антропологических дисциплинах, глиняный горшок с таким же успехом рассматривается как проявление культуры, как и «Джоконда». Весьма своеобразные установки преступных группировок получили статус «субкультур» в деятельности социологов Чикагской школы, которые практиковали методы антропологии и толерантность в своей работе. Понимание того факта, что «культур бывает много» и «культуры бывают разные», в начале XX в. попало на благодатную почву той критики европоцентризма, которая уже проводилась со второй половины XIX в. многими ведущими представителями европейской и российской гуманитарной мысли: Ф. Ницше, Н. Данилевским, О. Шпенглером. Антропологическое понимание культуры в большей степени лишено идеологического акцента и перемещает внимание на функциональные моменты культуры, в то время как классическая концепция грешит тенденциями европоцентризма и культурного колониализма. Следствием узкого понимания культуры как «лучших образцов искусства и науки» может стать навязывание всем народностям ценностной шкалы европейской культуры или всем социальным группам ценностей какой-то одной определенной субкультуры.

² Смена парадигм в дискурсе культуры XIX и XX веков получила приводимые здесь наименования (классическая, дескриптивная, символическая и структурная концепции) в рефлексии британского социального теоретика Дж.Томпсона. См.: *Thompson J. Ideology and Modern Culture. London, 1990.*

³ *Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 38.*

От описания различных культур более поздние антропологические исследования смещаются на позиции символической концепции культуры, акцентируют внимание на проблеме понимания другой культуры, переходя от «включенного наблюдения» к «включенности», вживанию в иной опыт. Символическая концепция подчеркивает коммуникативный аспект культуры, рассматривая культуру как совокупность смыслов, которые воплощены в символических формах, таких как действия, выражения, артефакты и тому подобные «смысловые объекты».

Антропологи, а вслед за ними и основные направления социально ориентированной теории культуры, понимают термин «культура» предельно широко – как традиции, обычаи, материальные артефакты и целостный образ жизни определенного народа, общества. Особняком в этом отношении до сих пор стоит отечественная культурология, которая часто рассматривает культуру прежде всего как искусство и сосредоточивается на изучении «памятников культуры», то есть шедевров искусства и основных эстетических парадигм (от романского стиля и барокко до модернизма и постмодернизма). Такой подход представляется ограниченным. Однако при широком понимании культуры наблюдается тенденция говорить о «культуре всего на свете»: о культуре курения, о рисунках и надписях (часто не вполне приличных) на заборах как о граффити, виде современного искусства, о дурной привычке материться как о сленге молодежных субкультур. В самой категории «субкультура», социологической по своей природе, уже присутствует легитимация определенного, часто девиантного, образа жизни. Отказ от идеологии культурного колониализма сделал «немодными» разговоры о культурной депривации: наркоман или сатанист сегодня могут гордо заявить, что «у них такая субкультура».

Культура в широком смысле – это феномен имплицитный, то есть незримо присутствующий в повседневности, это те значимые для человека убеждения, обычаи и ценности, которые даже не всегда удается зафиксировать, это не только и не столько пресловутые «памятники культуры», которые часто мыслятся предметом культурологии, сколько ткань самой жизни, столь же незримая и необходимая, как воздух. Однако важно сознавать и иной аспект культуры, на который обращают внимание представители структурной концепции: аспект эксплицитный, четко выраженный, если не в отдельных институтах (традиционном искусстве, например), то в отдельных текстах. Культура – это след человека, это совокупность артефактов, и современная культура в изобилии представлена ее многочисленными текстовыми проявлениями. Даже повседневная мораль фиксируется сегодня в виде многочисленных видеотекстов: ток- и реальных шоу. В этой связи решающее значение приобретает тезис о медиазации современных обществ, и понимание культуры как реальности объективированной, фиксированной в текстах медиа (радио, телевидение, Интернет) и воспроизводимой в деятельности «новых культурных посредников», таких как журналисты, дизайнеры, деятели туристических агентств, владельцы развлекательных центров

и т.п. С таким новым пониманием культуры связан настоящий бум музейного дела в эпоху постмодерна, когда на смену традиционным экспонатам приходят альтернативные экспозиции: различные музеи стирки, советского быта, пионерского детства, дверных ручек и т.п. С одной стороны, здесь проявляется интерес к быту людей, когда чуть ли не трамвайный билет получает статус «экспоната», с другой стороны, тенденция зафиксировать ускользающую культурную реальность.

Л. Февр справедливо критиковал традиционную историю, остроумно окрестив ее «историей головастиков», как историю событий «первого ряда», историю больших достижений и гениев, историю, которая обходит вниманием события, важные для «безмолвствующего большинства», упускает то, чем жил обычный человек той или иной эпохи. Таким же образом рассуждает Ю. М. Лотман, когда предлагает помимо «жизни замечательных людей» изучать и «жизнь незамечательных людей»⁴. В субдисциплинах современной истории, таких как история повседневности и частной жизни, история женщин и детства, микроистория, наблюдается поворот к изучению «маленького» человека, через жизнь которого и проходит большая история. Поворотом от истории элитарных классов (за это критикует традиционную историю П. Берк) к истории народных классов мы обязаны социологической перспективе видения культуры. При таком подходе важно, по словам П. Берка, осознавать поэтику обычной жизни, что как раз и присутствует в семиотических подходах к изучению культуры (Ю. М. Лотман).

Культура – это специфически человеческий способ бытия в ее конкретных воплощениях, будь то система убеждений и ценностей преступной группировки или неординарные проявления человеческого духа в философии и искусстве. Основой новой музейной концепции культуры становятся антропологические, экзистенциальные основания бытия. В эпоху постмодерна, когда, как известно, «в моде все» современник с особым интересом смотрит и на костюм аристократа времен Людовика XIV, и на гимнастерку времен Второй мировой войны, невольно примеряя на себя отдельные элементы костюма так же как и элементы стиля жизни определенной эпохи. В условиях постмодерного релятивизма ни одна шкала ценностей не может претендовать на роль эталонной. Поэтому в культурологии традиционное «музейное» понимание культуры испытывает кризис. Само понятие музея расширяется, откликаясь на пеструю культурную мозаику современного мира.

⁴ Лотман Ю. М. Быт и культура // Он же. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2001. С. 13.